

Серія II. № 2.

С.-Петербургъ,
апрель 1913 г.

ИЗВѢСТИЯ

состоящаго подъ Высочайшимъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА покровительствомъ

Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи
въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и
этнографическомъ отношеніяхъ.

Содержаніе: Извлеченіе изъ протоколовъ.— Отчетъ Комитета за 1911 г.— Поездка въ Южную Монголію въ 1909—10 гг. Отчетъ Ц. Жамцарапо.— Среди Ставропольскихъ туркменовъ, ногайцевъ и Крымскихъ татаръ. Отчетъ о командировкѣ въ 1912 г. прив.-доц. А. Н. Самойловича.— Краткий отчетъ о командировкѣ въ Китай летомъ 1912 г. прив.-доц. В. М. Алексеева.— Поездка въ Александровскій и Багачуровскій улусы астраханскихъ калмыковъ. Отчетъ Н. Очирова.— Среди кудинскихъ бурятъ. Отчетъ

Б. А. Михайлова и Г. Э. Петри.

Série II. № 2.

St.-Pétersbourg,

avril 1913.

BULLETIN

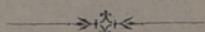
publié par le

Comité Russe de l'Association Internationale pour l'exploration
historique, archéologique, linguistique et ethnographique de
l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient,

sous le Haut Patronage de Sa Majesté l'Empereur.

Sommaire: Extraits des procès-verbaux.— Compte-rendu du Comité pour l'année 1911.— Voyage dans la Mongolie Méridionale, en 1909—1910. Rapport de M. Žamcarano.— Parmi les Turcomans du gouvernement de Stavropol, les Tatars Nogaj et ceux de Crimée. Rapport sur la mission scientifique accomplie en 1912 par M. Samojlovič, agrégé.— Rapport succinct sur une mission scientifique en Chine, accomplie au cours de l'été 1912 par M. Aleksejew, agrégé.— Voyage aux ulus Aleksandrovskij et Bagacuchurovskij habités par des Kalmuks d'Astrachan. Rapport de M. Očirov.— Parmi les Buriats de la Kuda

Rapport de MM. Michajlov et Petri.

Среди ставропольскихъ туркменовъ и ногайцевъ и у крымскихъ татаръ.

(Отчетъ о командировкѣ въ 1912 г. прив.-доц. А. Н. Самойловича).

Я намѣревался, какъ значится въ представленіи В. В. Радлова и В. В. Бартольда о моей командировкѣ, провести среди ставропольскихъ туркменовъ — съ цѣлью изученія ихъ языка и собиранія образцовъ ихъ народной словесности — вторую половину іюля и первую половину августа сего года, чтобы, такимъ образомъ, имѣть, между прочимъ, возможность наблюдать, какъ туркмены проводятъ мѣсяцъ поста — Рамазанъ. Въ дѣйствительности моя поѣзда въ Ставропольскую губернію состоялась мѣсяцемъ раньше, причемъ, благодаря двумъ случайнымъ счастливымъ обстоятельствамъ, мнѣ удалось попутно побывать, во-первыхъ, у крымскихъ татаръ и, во-вторыхъ, у ставропольскихъ ногайцевъ. На Лѣтнюю Ставку туркменского приставства, центръ ставропольскихъ туркменовъ, я проѣхалъ не прямо изъ Петербурга, а чрезъ Крымъ, гдѣ въ немногіе дни и часы, свободные отъ занятій на земскихъ курсахъ татарского языка для учителей начальныхъ школъ, я имѣлъ возможность собирать материалы по мѣстной этнографіи въ городахъ: Симферополѣ, Бахчисараѣ и Карасубазарѣ. Пробывъ въ Крыму съ 12 мая до 9 іюня, я приѣхалъ въ Ставрополь 11 іюня (дорогой: Керчь — Новороссійскъ). Второй счастливой случайностью было то обстоятельство, что, благодаря любезности Главнаго пристава кочующихъ народовъ Ставропольской губерніи, А. А. Польского, я предпринялъ вмѣстѣ съ нимъ объѣздъ приставства на казенномъ автомобилѣ «Туркменъ», совершившемъ какъ разъ свой первый пробѣгъ по прикумскимъ степямъ, и на обратномъ пути съ Зимней Ставки на Лѣтнюю провелъ нѣсколько дней въ предѣлахъ Ногайского приставства, гдѣ собралъ нѣкоторый материалъ по языку и этнографіи ногайцевъ.

Посвятивъ время своего пребыванія среди туркменовъ собиранию матеріаловъ по ихъ языку и словесности для Русского Комитета, я, кромѣ того, сдѣлалъ 5 дюжинъ фотографическихъ снимковъ и собралъ 42 этнографическихъ предмета (преимущественно по одѣждѣ) для Этнографического Отдѣла Русского Музея Императора Александра III на особыя средства, отпущенныя мнѣ этимъ учрежденіемъ¹⁾.

I. Крымъ.

Въ Симферополь я познакомился съ предсѣдателемъ Таврической Ученой Архивной Комиссіи, А. И. Маркевичемъ, который пригласилъ меня на засѣданіе Комиссіи 19 мая, а въ одинъ изъ слѣдующихъ дней показалъ мнѣ Музей Комиссіи. Одно изъ сообщеній засѣданія 19 мая было посвящено крымско-татарскимъ пословицамъ, собраннымъ въ количествѣ 521 и переведеннымъ на русскій языкъ интеллигентнымъ крымскимъ татариномъ А. Боданинскимъ²⁾. Воспользовавшись живымъ интересомъ А. Боданинского къ этнографії своихъ соплеменниковъ, я ознакомилъ его съ приемами научной транскрипціи памятниковъ народной словесности и составилъ для него краткую программу этнографического изученія крымскихъ татаръ; особое вниманіе А. Боданинского я обратилъ на всестороннее изученіе цеховыхъ организацій въ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ и на подробное описание техники производства отдельныхъ ремесель въ названныхъ городахъ³⁾. Въ Музеѣ Архивной Комиссіи я обратилъ вниманіе на двѣ татарскія рукописи: 1) «Дестанъ» о выселеніи татаръ въ Турцию и 2) Исторія Крымскаго ханства нѣкоего *خرصى جلبي* /*أقايى فندى*/; первая рукопись, какъ потомъ оказалось, содержитъ тотъ же дестанъ, который изданъ въ русской транскрипціи и съ рус-

1) Краткія свѣдѣнія о командировкѣ помѣщены мною въ Отчетѣ И. СПб. Университета за 1912 г., стр. 235—236. Часть фотографическихъ снимковъ, переработанныхъ въ діапозитивы, была мною показана съ объясненіями въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи И. Р. Географическаго Общества 15 февраля 1913 г. (см. «Живая Старина», г. XXII, стр. XXXI).

2) Приготавляются къ напечатанію въ Извѣстіяхъ Таврической Уч. Арх. Комиссиимагістрантъ Фадеевъ.

3) Нѣкоторыя свѣдѣнія о ремесленныхъ цехахъ были собраны г. Бравининымъ въ Бахчисараѣ въ 1903 г. (Извѣстія Р. Комитета, № 2, стр. 16).

скимъ переводомъ въ книгѣ А. Олесницкаго «Пѣсни крымскихъ турокъ»¹⁾ (стр. 58 и 138), а вторая рукопись есть второй экземпляр сокращенного изложения (съ дополненіями) «Семи планетъ» Мухаммеда Ризы, использованнаго подъ именемъ «краткой исторіи» въ сочиненіи проф. В. Д. Смирнова «Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты» (двѣ части)²⁾.

Благодаря любезности А. Н. Маркевича, я натолкнулся въ Симферополѣ на вопросъ объ измѣненіи зваченій нѣкоторыхъ годовъ турецкаго двѣнадцатилѣтняго животнаго цикла (годы обезьяны и дракона), — вопросъ, дальнѣйшій матеріалъ по которому мною былъ найденъ у ставропольскихъ туркменовъ и ногайцевъ³⁾.

Трижды я посѣтилъ Бахчисарай, гдѣ пріобрѣлъ много знакомствъ среди мѣстной татарской интелигенціи во главѣ съ Исмаилъ-мурзой Гаспринскимъ; этотъ «шайхъ» современной татарской журналистики и практической педагогіи подарилъ мнѣ большинство своихъ печатныхъ трудовъ и изданій какъ педагогическихъ, такъ и историко-литературныхъ; отъ молодого Бахчисарайскаго литератора Османъ Нури Акчокраклы, переводчика на татарскій языкъ «Женитьбы» Гоголя, «Бахчисарайскаго фонтана» Пушкина и проч., я получилъ въ подарокъ серію его произведеній и одинъ рукописный османскій стихотворный сборникъ; при содѣйствіи г-на Акчокраклы я пріобрѣлъ за 5 р. копію съ الفنون цеха хлѣбопековъ [свитокъ въ жестяномъ футляре, по значенію и содержанію соотвѣтствующій среднезадѣятскому الفنون, ремесленниковъ⁴⁾]. Постояннымъ спутникомъ въ моихъ крымскихъ экскурсіяхъ былъ учитель земской школы въ Бахчисараѣ, Яхъя эфенди Байбуртлы, который самъ доброжелательнымъ образомъ помогалъ мнѣ въ моихъ этнографическихъ розысканіяхъ и

1) Исправленный русскій переводъ, съ указаніемъ разночтений, напечатанъ мною въ Извѣстіяхъ Таврич. Уч. Арх. Комиссіи, вып. 50 подъ заглавіемъ: «Пѣсни о крымскихъ событияхъ».

2) Предварительное сообщеніе о новомъ спискѣ сокращенія «Семи планетъ» напечатано мною въ Извѣстіяхъ Тавр. Уч. Арх. Комиссіи, вып. 49.

3) Замѣтка по этому вопросу мною напечатана въ Извѣстіяхъ Таврической Ученой Архивной Комиссіи, вып. 49 подъ заглавіемъ: «Объ измѣненіяхъ въ 12-лѣтнемъ животномъ цикла у нѣкоторыхъ турецкихъ племенъ».

4) Лѣтомъ 1918 г. я пріобрѣлъ еще въ Бахчисараѣ копію «селеф-намэ» земледѣльцевъ и копію таблицы съ именами святыхъ покровителей — пировъ различныхъ цеховъ.

который продолжаетъ собирать для меня образцы народной словесности и послѣ моего отъѣзда изъ Крыма; онъ подариль мнѣ старый, наполовину уже разорванный, сборникъ крымско-татарскихъ пѣсень, такъ называемый «џоңкъ»¹⁾, просматривалъ вмѣстѣ со мной «Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчий» ак. В. В. Радлова, пополняя его по части крымско-татарскихъ словъ, записывалъ для меня и диктовалъ мнѣ мелкія произведенія народнаго словеснаго творчества (въ томъ числѣ: благопожеланія при дождѣ, поволуньѣ, отходѣ ко сну), сообщиль свѣдѣнія о крымско-татарскихъ кушаньяхъ, личныхъ именахъ, терминахъ родства и т. д., сопутствовалъ мнѣ въ прогулкѣ по Чуфут-калэ и караимскому кладбищу въ Іосафатовой долинѣ и при осмотрѣ Ханского дворца.

Въ обществѣ Яхъя эфенди Байбуртлы и преподавателя татарскаго языка въ Симферопольской Учительской школѣ, А. Ч. Муфтизадѣ я предпринялъ однодневную поѣздку въ Карасубазарь, главнымъ образомъ для выясненія на мѣстѣ вопроса о загадочныхъ крымскихъ туркменахъ²⁾; вопросъ этотъ такъ и остался для меня открытымъ: объективныхъ данныхъ для установленія въ Крыму вообще и въ Карасубазарѣ въ частности особаго *племени* — туркменовъ я не нашелъ; вопросъ о крымскихъ *туркменахъ* тѣсно связанъ съ вопросомъ о группѣ крымскаго населенія, именуемаго *гурбетъ*, и съ вопросомъ объ отношеніи этихъ гурбетъ къ такъ называемымъ *таифа* (например, въ поселкѣ Джанкой подъ Карасубазаромъ) и къ отдѣльнымъ группамъ цыганъ — *чингена*, которые различаются по своимъ занятіямъ: музыканты, мѣдвежатники, ситочники, лошадники и т. д. Въ Карасубазарѣ-же я имѣлъ случай посѣтить духовнаго главу мѣстныхъ цеховъ, *накыб'а*, у которого я видѣлъ цеховое знамя, свитокъ съ легендарной исторіей возникновенія мусульманской цеховой организаціи кожевниковъ и съ перечисленіемъ духовныхъ покровителей этого цеха, подъ названиемъ: مزا شجرة فتوت در بيان دبغات:، и списокъ религіознаго

1) См. журналъ تورك جوردى, № 11, стр. 316, гдѣ слово «djeipс» — جونڭ — объясняется, какъ «сборникъ».

2) См. мою замѣтку «Новое о туркменахъ», Живая Старина, годъ 1910, вып. 3, стр. 274. Дополнительныя свѣдѣнія см. въ моей статьѣ «Бахчисарайскій пѣвецъ, поэтъ, лѣтописецъ и метеорологъ Хабибула-Керемъ» (Изв. Тавр. Уч. Арх. Комм., вып. 50) въ примѣчаніяхъ къ стихотворенію Керема «О туркменахъ въ кварталѣ Азиэтъ».

пѣснопѣнія, исполняемаго цыганами во время хожденія по улицамъ съ цеховыми знаменемъ въ день Ашура; снять копію со свитка на-кыбъ мнѣ не разрѣшилъ, а копію съ пѣснопѣнія снялъ для меня, съ разрѣшенія наkyба, молодой Карасубазарскій житель, любезный Ос-манъ Усейновичъ Ногаевъ. Не смотря на то, что я прѣхалъ въ Карасубазаръ съ двумя татарами, я встрѣтилъ тамъ недовѣрчивое къ себѣ отношение; между прочимъ, моихъ спутниковъ при мнѣ же въ кофейнѣ шепотомъ спрашивали, не миссионеръ ли я, что одинъ изъ моихъ спутниковъ объяснялъ мнѣ впослѣдствіи «фаатизмомъ» своихъ сосплемениковъ.

Побывавъ недолго въ Крыму, я имѣлъ достаточно слушаевъ убѣ-диться, что среди тамошнихъ татаръ, особенно степныхъ (уѣзды Перс-копскій, Евпаторійскій и Феодосійскій), можно собрать еще значитель-ный и весьма интересный матеріаль по живой татарской старинѣ въ дополненіе къ тому, что собрано ак. В. В. Радловымъ и другими¹⁾.

II. У ставропольскихъ ногайцевъ.

Чтобы сразу покончить съ отчетомъ о сверхпрограммныхъ своихъ занятіяхъ, я сообщу въ этой главѣ о своемъ трехдневномъ пребыва-ніи въ Ногайскомъ приставствѣ Ставропольской губ., куда я попалъ случайно, возвращаясь съ Зимней Ставки Туркменского приставства на Лѣтнюю во второй половинѣ іюня мѣсяца. Съ разрѣшенія пристава

1) Здѣсь не мѣсто подробно выяснить научность термина «татаринъ» въ примѣ-неніи къ туземному турецкому населенію Крыма, которое само себя именуетъ тата-рами. Я согласенъ съ тѣмъ, что нѣтъ оснований слишкомъ широко пользоваться тер-миномъ «татаринъ», распространяя его, напримѣръ, на турецкія племена Восточной Сибири, Русскаго и Китайскаго Туркестана, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, ак. Рад-ловъ (см. его «Aus Sibirien») и проф. Катановъ (см. его «Письма изъ Сибири»), но я призываю въ настоящее время слишкомъ смѣльмы утвержденіе А. Олесницкаго («Пѣсни крымскихъ турокъ», стр. VIII—IX, сноска 1), что «термины: «татары», «та-тарскій», въ примѣненіи къ турецкимъ племенамъ, какъ антинаучные, преданы остра-кизму», хотя я и самъ одно время — каюсь! — былъ склоненъ «остракировать» эти термины. (Ср. П. М. Меліоранскій «Турецкія народы и литературы», Эпц. Слов. Брокгауза и Ефона, 1 изд., т. 34 стр. 159). Одна изъ очередныхъ задачъ современной туркологіи — установить предѣлы научного употребленія этническаго термина «та-таринъ», какъ я嘗тался то же сдѣлать съ терминомъ «сартъ». Какъ послѣдний тер-минъ, такъ и первый, по моему, невозможно устранить изъ научного обихода, ибо нѣтъ къ тому научныхъ оснований.

И. И. Серебряникова, и разнесъ на карточки болѣе 269 мужскихъ и болѣе 159 женскихъ ногайскихъ личныхъ именъ изъ посемейныхъ списковъ, хранящихся въ канцеляріи приставства въ Ачи-кулакѣ; на ряду съ арабско-мусульманскими именами у ногайцевъ сохранилось очень много турецко-шаманскихъ именъ. И въ Крыму, и у ногайцевъ, и, впослѣдствіи, у туркменовъ я собиралъ мѣстныя личныя имена, имѣя въ виду внести свою лепту въ разработку вопроса о турецкихъ национальныхъ именахъ, котораго я уже коснулся въ одной изъ своихъ замѣтокъ¹⁾. Съ жилищами и костюмами ногайцевъ я ближе познакомился при поѣздкѣ въ ногайскій аулъ Махмудъ-мектебъ, гдѣ я также слышалъ двухъ народныхъ сказителей-пѣвцовъ (цырау) и гдѣ я пользовался содѣйствіемъ головы ногайскаго народа, Галаваша, и учителя русско-ногайской школы, карачаевца Курманъ Байрамукова. Образцовъ народной словесности среди ногайцевъ я не собиралъ, предпочтя затратить наѣкоторое время на обученіе научному транскрибиранію молодого интеллигентнаго ногайца, бывшаго народнаго учителя, а нынѣ — переводчика при канцеляріи, Бекъ-мурза Исаева, изъ рода Едисанъ, который самъ уже нѣсколько лѣтъ собираетъ и записываетъ родныя былины, пѣсни и т. п.; я составилъ для Исаева коротеньку этнографическую программу и заручился его обѣщаніемъ изучать словесное творчество и бытъ своего народа, а собранные материалы присыпалъ въ Петербургъ. Народная словесность ногайцевъ — очень богатая; особенно цѣнны былины о Тохтамышѣ, Едигеѣ, Мамаѣ и другихъ историческихъ личностяхъ. Чрезъ опросъ Исаева я составилъ краткую ногайскую грамматику и записалъ нѣкоторыя ногайскія слова. Исаевъ-же начертіль мнѣ нѣсколько ногайскихъ тамгъ. Языкъ ставропольскихъ ногайцевъ обнаруживаетъ неустойчивость, причину которой я, конечно, не имѣлъ времени установить; дѣло въ томъ, что въ говорѣ одного и того же лица можно замѣтить колебанія въ произношеніи однихъ и тѣхъ-же словъ; колебанія эти — фонетического характера и относятся къ области согласныхъ звуковъ: то слышатся въ данномъ словѣ общетурецкіе согласные, то соотвѣтствующіе имъ согласные казакъ-киргизскаго языка.

1) «Къ вопросу о нареченіи имени у турецкихъ племенъ», Живая Старина за 1911 г., стр. 297. Ср. замѣтку Гордлевскаго въ «Древностяхъ восточныхъ», т. IV.

Въ своей основѣ ногайское нарѣчіе ближе всего стоитъ къ казакъ-киргизскому, рѣзко отличаясь отъ туркменского. Всѣ черты ногайского нарѣчія, которыя сближаютъ его съ кумыцкимъ, усвоены имъ, несомнѣнно, позднѣе и заимствованы изъ кумыцкаго. Въ то время какъ кумыки, карачаевцы и балкары являются потомками до-монгольского населенія Сѣвернаго Кавказа турецкаго корня, ногайцы принадлежать къ населенію послѣ-монгольскому¹⁾.

III. У ставропольскихъ туркменовъ.

Выѣхавъ изъ Ставрополя на парѣ лошадей утромъ 14 іюня, я пріѣхалъ на Лѣтнюю Ставку²⁾ утромъ слѣдующаго дня; путь шелъ по слѣдующимъ русскимъ селамъ: Надеждинское, Старомарьевка, Грачевскіе хутора, Константиновское, Петровское, Камбулатское, Овощи (около 120 верстъ); дорога изъ-за дождей была тяжелая и мѣстами пришлосьѣхать на тройкѣ. Ночевалъ въ Камбулатскомъ волостномъ правлениі; въ саду мѣстного батюшки въ сумерки видѣлъ каменную бабу; другая каменная баба, по словамъ батюшки, подпираетъ столбъ у воротъ одного крестьянина. Подъѣзжая къ Ставкѣ, я проѣхалъ первымъ туркменскимъ осѣдлымъ ауломъ Чуръ. Немедленно приступивъ къ изученію туркменскаго діалекта посредствомъ бесѣдъ со встрѣчными туркменами, я 16 іюня занимался нѣсколько часовъ съ неграмотнымъ старикомъ изъ сосѣдняго осѣдлого аула (аѣылъ) Чуръ, по имени Джума Ніязъ; записалъ термины родства, нѣсколько собственныхъ имень, числительныя, отрывки изъ Кѣр-оглу, названія домашнихъ животныхъ и ихъ мастей, названія различныхъ частей тѣла человѣка и животнаго, дѣленій времени, странъ свѣта, нѣкото-

1) См. резюмѣ моего сообщенія въ Вост. Отд. И. Р. Арх. О. 19 декабря 1912 (Зап. Вост. Отд. XXI) и мою рецензію на учебникъ балкарскаго нарѣчія Карапулова (*ibid.*).

2) См. А. Володинъ, «Трухменская степь и трухмены» (Сб. мат. для оп. мѣстн. и плем. Кавказа, XXXVIII), стр. 97—98. С. Фарфоровскій, «Трухмены (туркмены) Ставропольской губерніи» (Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн., XXVII), стр. 16 отд. оттиска. Эти два описания уже нѣсколько устарѣли, такъ какъ Лѣтняя Ставка развивается и пріобрѣтаетъ болѣе благоустроенный видъ съ каждымъ годомъ.

рыхъ звѣздъ, кушаній¹⁾, растеній культурныхъ и дикихъ²⁾, птицъ домашнихъ и дикихъ³⁾, клички собакъ (лошади и коровы кличекъ не имѣютъ, а называются по мастиамъ), названія одежды⁴⁾. 17 іюня выѣхалъ на автомобиль вмѣстѣ съ главнымъ приставомъ А. А. Польскимъ, какъ разъ совершившимъ служебную поѣзду по своему району, по маршруту: туркменскіе осѣдлые аулы: Сабанъ, Кенджекулакъ, Антуста, свободная степь⁵⁾, русское село Арзгиръ, артезіанскій колодецъ знатнѣйшаго изъ туркменовъ, скотовода-кочевника Мусы Ишеева, рѣка Кума (по-туркменски Кўмі), зимовки кочевыхъ туркменовъ и мечеть Мусы и, наконецъ, Зимняя Ставка⁶⁾. На Зимней Ставкѣ я провелъ $2\frac{1}{2}$ дня, пользуясь радушнымъ гостепріимствомъ завѣдующаго этой Ставкой, помощника туркменского пристава К. А. Стромина. Въ это время на Ставкѣ былъ большой сѣездъ туркменовъ по случаю засѣданій особой землеустроительной комиссіи, работавшей надъ вопросомъ о надѣленіи землей и о разбивкѣ на аулы той части туркменовъ, которые еще не осѣли. Благодаря полному содѣйствию со стороны русской администраціи и довѣрчивому, сочувственному отношенію ко мнѣ туркменовъ, съ которыми я говорилъ на ихъ родномъ языкѣ, мнѣ удалось собрать на Зимней Ставкѣ за короткое время довольно интересный материалъ.

Первое, что я сдѣлалъ на слѣдующее утро по приѣздѣ на Ставку, это — посѣтилъ близлежащее туркменское кладбище, которое я дважды сфотографировалъ и гдѣ я списалъ надписи на нѣкоторыхъ памятникахъ (вертикально стоящихъ камняхъ). По кавказскому обычая, на памятникахъ изображаются бытовые предметы: на женскихъ — гребень и ножницы, на мужскихъ — ружье, шашка, кинжалъ, сапоги, калоши, кувшинъ, тазъ, четки (?).

Моимъ постояннымъ спутникомъ здѣсь былъ переводчикъ канцеляріи, Хаджи Вали, Рамазанъ оглу, изъ рода Чандуръ, колѣна

1) Ср. Володинъ, 40, 41, 45.

2) Ср. Володинъ, 9 (по-русски и по-латински), стр. 11: курай — сорная трава. О садахъ — стр. 14 (мало).

3) Ср. Володинъ, 16 (русск. и латинск.).

4) Ср. Володинъ, 37.

5) Володинъ, 10. Отмѣчу кстати, что «цѣлина» по-туркменски называется «саѣр» — «здоровая земля».

6) Володинъ, 98.

Аладжа-башъ. Посѣтивъ его кибитку и выпивъ нѣсколько глотковъ столь любимаго ставропольскими туркменами калмыцкаго чаю¹⁾, который былъ сейчасъ же приготовленъ радушной супругой переводчика, я подробно записалъ названія всѣхъ предметовъ, находящихся въ кибиткѣ²⁾, сначала тѣхъ, которые размѣщены въ правой отъ входа части кибитки, гдѣ хоряйничаетъ женщина, затѣмъ въ лѣвой, гдѣ сложены постели, одежда и вещи мужа.

На слѣдующій день я описалъ зимовку Хаджи-Вали, охраняемую русскими «дворниками»; кроме того я продолжалъ пополнять уже начатые раньше отдѣлы своего словаря и записывалъ названія всего, что мнѣ попадалось на глаза. На Зимней Ставкѣ я собралъ около 20 загадокъ, изображенія 7 туркменскихъ тамгъ, краткія описанія нѣсколькихъ игръ³⁾. Но главнымъ приобрѣтеніемъ, сдѣланнымъ мною въ Прикумье, я считаю произведенія двухъ туркменскихъ поэтовъ (шабыр), покойнаго отца и здравствующаго сына: Ходжай Гельди оглы и Хумаръ, рода (руб) Игдыръ, колына (табын) Яхшыходжа; первый, по словамъ сына, былъ неграмотенъ (кара), второй — сынъ — малограмотенъ. Стихотвореній отца у меня записано шесть, стихотвореній сына — два.

То различіе въ области народной словесности, которое существуетъ въ Средней Азії между казакъ-киргизами и туркменами и которое было отмѣчено еще Вамбери, существуетъ въ Ставропольской губерніи между ногайцами и туркменами. У туркменовъ здѣсь народная словесность гораздо бѣднѣе, чѣмъ у ногайцевъ⁴⁾; среди пѣсенъ, какъ и у среднеазіатскихъ туркменовъ, преобладаютъ стихотворенія изъ четверостишій или — рѣже — пятистишій, заимствованныя изъ «Кѣр-оглы», «Ахмедъ и Юсуфа», «Іосифа и Зулейхи» и т. д.⁵⁾,

1) Володинъ, 39—40 (способъ приготовленія).

2) Ср. Володинъ, 36—37.

3) Ср. Володинъ, 55.

4) Объясненія Фарфоровскаго, 27 — неосновательны.

5) Володинъ, 42; терминъ «пѣсни — былины» неудаченъ (еще 46). Неудачна характеристика по языку «шерамазан» — 44 (заимствовано Фарфоровскимъ, 29). Свадебная причитанія (аїдым) въ переводѣ — 48; причитанія по покойнику (аїдым) — 50—51 (текстъ въ искаченной транскрипціи, переводъ неточный и съ ошибками).

См. его-же, «Изъ туркменской народной поэзіи» (*ibid.*), гдѣ все стихи — описанного нами типа.

или сочиненные известнымъ «всeturкменскимъ» поэтомъ Махтумкули (по произношенню ставропольскихъ туркменовъ: Бахтум-кули), или, наконецъ, сочиненные мѣстными поэтами, которыхъ мнѣ стало впослѣдствіи известно семь, хотя въ дѣйствительности ихъ, вѣроятно, больше. Содержаніе стихотвореній — пѣсенъ (кошку, ыр), исполняемыхъ или специальными пѣвцами (бахши)¹), или просто любителямп попѣть, по характеру то же, что и у среднеазіатскихъ туркменовъ, напримѣръ, у Мервскаго слѣпого поэта Кёр-моллы²): или мистическая (о бренности всего мірского; ихъ сравнительно меньше), или злободневная, хвалебная, хулигельная (послѣднихъ, къ сожалѣнію, мнѣ почти вовсе не удалось собрать). Первое изъ записанныхъ мною академической транскрипціей стихотвореній Ходжай Гельди оглы любопытно тѣмъ, что оно пересыпано русскими словами; поэтъ служилъ нѣкоторое время кумысникомъ въ Ставрополь, у его хозяина пропала гнѣдая кобыла, въ поискахъ за ней онъ натолкнулся въ Архіерейской рощѣ на русскаго офицера, къ которому и обращено это стихотвореніе, начинаяющееся такъ:

Постоі, забіт, сенден хабар сорајін:
Бір гінедой кабыл ношолон бар-мы?
Lecler арасында, абач ічінде
Треноў салынып душолон бар-мы?

Записывалъ я стихотворенія подъ диктовку поэта-сына, Хумара, въ молодомъ, но уже тѣнистомъ саду Зимней Ставки, орошающемъ изъ артезіанскаго колодца. Любопытно отмѣтить, что, по мнѣнію Хумара, «коренная пѣсня бываетъ изъ четверостишій» — асыл ыр дорт бейтten болур; пятистишія поэтъ называетъ — бешлеме; я записалъ названія 15 музыкальныхъ мелодій (саз), которыя мнѣ называлъ Хумаръ: 1) ацыбул салман, 2) јаз мемет, 3) јомут (*юмудская мелодія*), 4) беш переде зыбырдык, 5) кёр сеіт, 6) иса-бахши, 7) чора-бахши, 8) аптархан сазы (*астраханская мелодія*), 9) бенгі, 10) боз торбай (*жаворонокъ - протяжная мелодія*), 11) невали (*мелодія известнаго*

1) Володинъ, 42 (а за нимъ — Фарфоровскій, 28): тамдрачи. Фарфоровскій, 96 — бахша.

2) См. мою статью: «Туркменскій поэтъ-босякъ Кёр-молла и его пѣсня о русскихъ», Живая Старина за 1907 годъ, вып. 4-ый.

среднеазиатского поэта Мир - Али - Шира Невайи; поэтъ пояснилъ, что на эту мелодію поются стихи Махтум-кули въ концѣ сеанса бахшы), 12) карабаўлы (караба́лская мелодія, веселая), 13) бота (изъ новыхъ), 14) чызык (изъ новыхъ, съ большимъ количествомъ трелей), 15) бои-бои¹⁾.

По пути въ центръ Ногайского приставства Ачи-кулакъ, я миновалъ туркменскій осѣдлый аулъ Озекъ-суатъ, ногайскій аулъ (какъ видно и изъ названія) Ильясъ-кышлау и аулъ поволжскихъ татаръ («казанцевъ» — «казанлыкъ») Камышъ-бурунъ; послѣдніе два находятся въ Ногайскомъ приставствѣ. Ставропольские татары²⁾ (они населяютъ еще аулъ Малый Барханчакъ въ Туркменскомъ приставствѣ и вкраiplены въ населеніе другихъ ауловъ) стоять значительно выше въ культурномъ отношеніи, чѣмъ туркмены и ногайцы³⁾; они сохранили свой языкъ и свою одежду; въ то время какъ туркменскіе и ногайскіе муллы обыкновенно не отличаются по одеждѣ отъ своей паства⁴⁾, Камышъ-бурунский мулла, бѣлокурый, свѣтлоглазый, тучный старикъ, былъ одѣтъ въ свѣтлый шелковый халатъ и бѣлую, большую чалму. Отмѣчу кстати, что мѣстное русское населеніе употребляетъ слово *tatar* не только по отношенію къ поволжскимъ переселенцамъ, но и къ туркменамъ и ногайцамъ; одинъ изъ ямщиковъ на мой вопросъ: чья это земля? отвѣтилъ: *tatarская*, хотя мыѣхали по землѣ туркменовъ. Ср. выраженіе «безсильная *tatarва*» у Володина, 30. Путь нашъ изъ Ачи-кулака на Лѣтнюю Ставку лежалъ чрезъ рядъ русскихъ сель (Владимировка, Лѣвокумское, Новоромановка, въ которой мы ночевали, Петропавловка, Серафимовка) и чрезъ туркменскій аулъ Эдиль-бай; уже подъѣзжая къ Ставкѣ, мы оставили по лѣвой руке аулъ Маштакъ-кулакъ.

1) Въ Крыму *мелодія* называется *چىسا* (какъ еще у казакъ-киргизовъ, словарь Радлова IV, 397) а *لەوا* (Словарь Радлова II, 1777). Въ бытность лѣтомъ 1913 г. въ Берлинѣ, я составилъ себѣ списокъ названий османско-турецкихъ мелодій — *مقامات* въ количествѣ болѣе 60 по сборникамъ пѣсенъ тамошней Королевской библиотеки (каталогъ Перча № 45, 801, 808, 319); въ этомъ спискѣ не оказалось ни одного названія, тождественного со ставропольско-туркменскими.

2) Володинъ, 27.

3) Туркмены и ногайцы тоже развиваются въ культурномъ отношеніи, но слабѣе татаръ. Туркмены, какими я ихъ видѣлъ въ 1912 году, замѣтно ушли впередъ сравнительно съ тѣмъ, какъ ихъ описываютъ Володинъ и Фарфоровскій.

4) Володинъ, 34.

На Лѣтнѣй Ставкѣ я прожилъ, занимая квартиру одного изъ уѣхавшихъ на каникулярное время учителей мѣстного русско-туркменского училища, до 11 іюля, когда тронулся въ обратный путь на Ставрополь по прежнему направлению. За это время я на короткій срокъ отлучался въ туркменскіе аулы Чуръ и Куликовы копани (яңы кују—по туркменски) и въ ауль Кучерли (кѣчерлі) со смѣшаннымъ населеніемъ (есть ногайцы и казанскіе татары) и съ преобладаніемъ отуреченныхъ калмыковъ—мусульманъ (по-туркменски: казылар¹⁾); у послѣднихъ сохранились калмыцкія родовыя имена, изъ коихъ я записалъ: 1) шерет (къ этому роду принадлежитъ старшина аула, Кенганъ-берди Мыратъ оглы), 2) чонус, 3) туркмет (калмыцкое множественное отъ слова туркмен), 4) бајан, 5) сабылмат, 6) бурул, 7) тобет, 8) нарнаул, 9) батаул, 10) дарнудут. Старшина аула сначала мнѣ сказалъ, что «казылар» дѣлятся на пять родовъ (беш табын) и назвалъ первыя пять именъ, затѣмъ другіе его однодуальцы прибавили постепенно еще пять именъ; конечное и въ словѣ бајан я не разслышалъ, и на присутствіе его мнѣ указала одна изъ женщинъ, кажется, татарка. Когда я просматривалъ посемейные списки этого аула, то обратилъ вниманіе, что согласные звуки въ личныхъ именахъ Кучерлинцевъ носятъ иногда ногайскій характеръ. Языкомъ кучерлинцевъ я специально не занимался, а па него слѣдовало-бы обратить вниманіе²⁾). Въ Куликовы-копани, родной ауль письменного переводчика на Лѣтнѣй Ставкѣ, Эреджеба (такъ туркмены произносятъ арабское слово رەزى)، гдѣ у него имѣется лавка и гдѣ старшиной состоить его братъ, я єздилъ 8 іюля для того, чтобы познакомиться съ тамошнимъ поэтомъ Зарь-Мухаммедомъ (въ просторѣчии—Заркей) изъ рода Союнаджи и записать нѣсколько его стихотвореній; изъ усть поэта я записалъ 3 стихотворенія (I—о бренности этого міра, II—въ честь Оразъ-хаджи, основателя аула Сабанъ, III—въ честь переводчика Эреджеба); 4-ое стихотвореніе,

1) Почему-то мѣстные russkіе переводятъ слово «казылар»—«сангельскій народъ»: Володинъ, 27—8, по Самойлову. Можно догадываться, что имѣется въ виду арабское слово قازى—«воитель за вѣру, защитникъ вѣры».

2) Володинъ, 28: «только языкъ ихъ содержитъ особый акцентъ трухменского нарѣчія». См. еще мою рецензію на балкарскую грамматику Карапулова, Зап. Вост. Отд. XXI, стр. 0161.

въ честь словеснаго переводчика Торгая, я получилъ впослѣствіи отъ самого Торгая. Поэтъ раньше жилъ въ ауль Озекъ-суатъ и только 3 года тому назадъ переселился въ Куликовы-копани; по его словамъ, его отецъ Абдулла или Абдулхаликъ былъ тоже поэтомъ.

При самомъ любезномъ содѣйствіи туркменскаго пристава А. Л. Добрыни и его помощниковъ я разнесъ на карточки мужскія и женскія туркменскія личныя имена изъ составленныхъ къ 1910 году посемейныхъ списковъ 4 ауловъ: 1) Башанта (240 семей; къ 31 марта 1911 года было 486 м. и 293 ж.; дѣтей школьнаго возраста 36); 2) Куликовы копани¹⁾ (180 семей; къ 31 августа 1911 года было 348 м. и 257 ж.; дѣтей школьнаго возраста 38); 3) Сабанъ (264 семьи; къ 31 марта 1911 года было 628 м. и 358 ж.; дѣтей школьнаго возраста 79); 4) Кучерли (147 семей; къ 31 марта 1911 года было 292 м. и 220 ж.; дѣтей школьнаго возраста 22). На каждой карточкѣ я отмѣчалъ название аула, мужское имя, или женское; имена сложныя, каковыхъ большинство, имѣющія одно и то же слово въ началѣ, помѣщались на одной карточкѣ, такъ что карточекъ въ общемъ получилось меньше, чѣмъ было ва нихъ занесено именъ; выписавъ всѣ имена первого аула, я изъ списковъ слѣдующихъ трехъ ауловъ выбиралъ только новыя, въ предыдущихъ спискахъ не встрѣчавшіяся мнѣ имена; при особо интересныхъ или рѣдкихъ именахъ я отмѣчалъ название всѣхъ ауловъ, въ спискахъ которыхъ эти имена мнѣ попадались. Въ концѣ концовъ, я заполнилъ слѣдующее количество карточекъ: 1) Башанта — 203 м., 84 ж., 2) Кучерли — 81 м., 58 ж., 3) Сабанъ — 69 м., 24 ж., 4) Куликовы копани — 77 м., 49 ж., итого 430 м., 215 ж., а всего вмѣстѣ 645. Съ ногайскими именами, собранными ранѣе на 428 карточкахъ, я туркменскихъ имень подробно еще не сравнивалъ, но впередъ могу сказать, что общихъ именъ много, хотя количество національныхъ, турецкихъ, а не арабскихъ именъ²⁾, у ногайцевъ выше, чѣмъ у туркменовъ, что вполнѣ гармонируетъ съ отличіями между этими двумя племенами и въ области народной словесности. Общая сумма ногайскихъ и туркменскихъ карточекъ равняется цифре 1073, именъ же

1) Легенда о происхожденіи аула у Володина, 28.

2) Володинъ, 53 (примѣры на тѣ и другія).

на нихъ разнесено, какъ я замѣтилъ выше, нѣсколько больше. Въ по-семейные списки имена вносятся только въ русской транскрипції и при томъ весьма не точной: не различаются о и ѿ, у и ѿ, а и ѿ въ началь слова и т. д., такъ что мнѣ потребовалось приводить свои карточки, и ногайскія и туркменскія, съ помощью туземцевъ, которые, гдѣ могли, исправляли неточности и недоразумѣнія; къ сожалѣнію, мнѣ не удалось привести въ исправный видъ всѣхъ карточекъ полностью, и часть именъ осталась съ вопросительными знаками. Изъ «Почетнаго рапорта пристава Туркменскаго народа Ставропольскому губернатору» (№ 2132, 13 мая 1912 г.) я извлекъ рядъ статистическихъ данныхъ, нѣкоторыя историческія свѣдѣнія и свѣдѣнія о внутреннемъ управлении туркменовъ. Кочевниковъ трехъ родовъ: Чавдуръ, Игдыръ и Соинаджи показано въ рапортѣ 1666 м. и 1357 ж.; кибитокъ у нихъ 601, а саманныхъ домовъ — 165; осѣдлыхъ туркменовъ показано 7420 м. и 5091 ж.; домовъ у нихъ 2604, а кибитокъ 834 (нѣкоторые осѣдлые туркмены имѣютъ кромѣ домовъ и кибитки, которыя стоять на дворѣ, а иногда на лѣтнее время вывозятся за село; такое пользованіе двоякимъ жилищемъ¹⁾ наблюдается и въ Хивѣ, и въ Закаспійской области); всего, значитъ, кочевыхъ туркменовъ къ маю мѣсяцу было 3.023, а осѣдлыхъ 12.511, тѣхъ же и другихъ вмѣстѣ — 15.334 (9086 м., 6448 ж.); общая цифра домовъ — 2769, кибитокъ — 1435; осѣдлыхъ ауловъ всего 16, изъ коихъ въ 1863 году возникли: 1—2) Большой и Малый Барханчакъ (أولان بارقچان, كچاك بارقچان), 3) Кучерли (کوچرلى), 4) Куликовы копани (بانک فوی); въ 1865 г. — 5) Чуръ (چور); въ 1869 г.: 6) Маштакъ-кулакъ, въ русскомъ просторѣчии — Маштакій (ماشطاق قوقۇق) и 7) Шарахалсунъ (это — калмыцкое название⁴⁾), а туркмены называютъ тотъ же ауль Сары-камышъ (صارغىش); въ 1875 г. — 8) Озекъ-суатъ (اورك سواط); въ 1879 г. — Юсупъ-кулакъ (بىوسف قوقۇق); въ 1884 г.—10) Едисанъ-гора (второе слово:

1) Володинъ, 36.

2) Туркмены вымираютъ. Володинъ, 79—80. Въ 1906 г. было м. 9968, ж. 6622.

3) Легенда о происхожденіи этого аула у Володина, 6.

4) Володинъ, 23.

5) По Володину, 27 — въ 1868 г.; объясненіе названія на стр. 28: озек — глубокій (sic), суат — водопой.

«гора» передѣлано изъ туркменского кара: въ 1890 г.—11) Айгуръ (по-туркм. гök aïþyr¹⁾); 12) Эдильбай (ادلبای); 13) Башанта²⁾ (по-туркм. баішавты: بایشتنى); въ 1906 г.—14) Сабанъ (صاپان); 15) Кенже-кулакъ (کنجە قۇلۇق); въ 1908 г.—16) Антуста (по-тукм.: kyl-niјaz³⁾). Нѣкоторыя даннныя я извлекъ изъ «Записки пристава Туркменского народа о мѣстномъ управлениі духовными дѣлами магометанъ Туркменского приставства и о состояніи мечетей и медресе въ этомъ приставствѣ»; здѣсь только отмѣчу, что въ Туркменскомъ приставствѣ подъ медресе разумѣются мектебы; по моимъ наблюденіямъ, уровень духовнаго образованія у туркменовъ очень низкій, грамотность распространена слабо⁴⁾.

Замѣчу попутно, что во всѣхъ туркменскихъ осѣдлыхъ аулахъ, а также среди кочевниковъ и на ставкахъ имѣются русско-туркменскія школы. Есть случаи поступленія туркменовъ въ русскія среднія учебныя заведенія. Одинъ туркменскій мальчикъ готовился этимъ лѣтомъ для поступленія въ Тифлисскую фельдшерскую школу. Въ высшихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ ставропольскихъ туркменовъ нѣтъ (ср. Володинъ, 54 сл. и 60).

Такъ какъ у ставропольскихъ туркменовъ рукописей на родномъ языке почти вовсе не имѣется⁵⁾, а тѣмъ болѣе рукописей старыхъ, то, чтобы добыть материалъ по ихъ письменному языку, я рѣшилъ использовать архивъ Туркменского приставства, на что получилъ любезное разрѣшеніе обязателъного А. Л. Добрыни. Къ сожалѣнію, особенно старыхъ дѣлъ вообще и дѣлъ на туркменскомъ языке въ частности въ архивѣ не оказалось; въ качествѣ старѣшихъ дѣлъ мнѣ были выданы на просмотръ два дѣла; на обложкѣ первого зачитывается: «По описи № 169 (зачеркнуто) 70 (зачеркнуто) 151 (зачеркнуто) 90. Дѣло Трухмянскаго⁶⁾ Приставства... Началось 27 Генваря 1858 г. Кончено

1) Объясненіе названія у Володина, 28 (легенда).

2) Объясненіе обоихъ названій у Володина, 28 (sic!).

3) Ср. Володинъ, 26, даннныя 1902 года о 13 аулахъ; указаны годы основанія, количество населенія и число домовъ, безъ туркменскихъ названій.

4) Володинъ, 34, 33. Туркменовъ-православныхъ не наберется и десятка; причиной перемѣны религіи служать обыкновенно браки на иновѣрцахъ.

5) Володинъ, 33 обѣ алфавитѣ; оригинальное соображеніе въ концѣ главы!

6) Старинныя русскія названія: трухмияне, трухмянскій въ настоящее время и въ официальномъ языке замѣнены названіями: туркмены, туркменскій, какъ видно изъ приведенныхъ мною выше заглавій двухъ официальныхъ документовъ.

2 Генваря 1859 г.»; на обложкѣ второго читаемъ: «По описи № 30-ый (зачеркнуто) 19 (зачеркнуто) 25. Татарские (sic) Бумаги по разнымъ предметамъ (sic). Начал: 18 Октября 1851 г. Конч: 15 Июля 1856 г. На 52-х Листахъ»; внутри этого дѣла вложена опись, по провѣркѣ оказавшаяся совершенно неточной. Я снялъ копіи съ нѣкоторыхъ бумагъ этого дѣла, чтобы имѣть образцы письменнаго туркменскаго языка канцелярскаго стиля отъ средины XIX вѣка, а также переписалъ еще нѣсколько бумагъ изъ дѣла 1907—8 годовъ (По описи 1907 года № 19. Дѣло Канцеляріи Туркменскаго Пристава. Маслагать и Шаріатъ¹). Разборъ жалобъ туркменъ между собой. На 548 листахъ, интересныхъ какъ по языку, такъ и по содержанію; всего архивныхъ выписокъ у меня собралось 13 листиковъ (52 страницы) почтовой бумаги. Въ документахъ ставропольскіе туркмены именуются обыкновенно «Туркменскимъ Божімъ народомъ» — *نورمن خلق الله*. По словамъ г-на пристава, покойнымъ проф. Якоби было увезено въ Петербургъ нѣсколько туркменскихъ архивныхъ дѣлъ начала XIX вѣка.

Мои занятія на Лѣтней Ставкѣ по туркменскому нарѣчію и словесности выразились въ слѣдующемъ. Я продолжалъ пополнять свой словарь туркменскихъ словъ, собирая въ отдѣльной тетради матеріалъ по туркменской грамматикѣ, записалъ: 1) двѣ сказки (со словъ Чурскаго старика Джума-Ніяза), одна — въ шесть страницъ, съ присказкой впереди и сзади, на ту тему, что *ханъ отдаетъ свою dochь за того, кто расскажетъ 40 небылицъ*, а вторая — въ одинадцать страницъ, о *похожденіяхъ Іисуса-богатыря среди дивовъ*²); 2) нѣсколько туркменскихъ географическихъ терминовъ и названія родовыхъ дѣлений³; 3) нѣсколько привѣтствій и благожеланій⁴); 4) образцы туркменской ругани; 5) разговоръ Джума-Ніяза о земледѣліи; 6) два

1) Ср. Володинъ, 95 сл. Теперь высшей духовной инстанціей является не Закавказскій музтій, а Крымскій.

2) Первая сказка напечатана мною въ русскомъ переводе въ Живой Старинѣ за 1912 г., годъ XXI, подъ заглавіемъ «Сказка Сорокъ небылицъ по туркменскому, узбецкому и киргизскому варіантамъ»; вторая сказка есть варіантъ сказки про *сүфія, дива и лису*, записанной мною среди мервскихъ текинцевъ, см. описание моего собрания сказокъ въ томъ же томѣ Живой Старинѣ.

3) Володинъ, 24: Мангышлакъ, Балханы; 25: роды и «кубы»; 69: балки.

4) Ср. Володинъ, 49, 52, 57.

отрывка колыбельныхъ пѣсень¹); 7) 69 загадокъ²); 8) 103 пословицы³); 9) двѣ прямѣты мѣрной рѣчью, одна — про годъ Барса, а другая — про день «Бердеці» (въ Крыму по Боданинскому — «Пердалазі»); 10) пѣсколько названій болѣзней (сильно распространенный среди туркменовъ сифилисъ⁴) своего названія, какъ я слышалъ, не имѣеть); 11) названія разныхъ мѣръ и специальную монетную терминологію, напримѣръ; једі тенге — 2 коп., ікі шаі — 3 коп., ескі бір аппасы — 5 коп., ескі бір сом — 25 к.; 12) стихотворенія — пѣсни нѣкоторыхъ туркменскихъ поэтовъ, въ дополненіе къ вышеупомянутымъ произведеніяхъ Ходжай, Хуммара и Заркея.

Еще на Зимней Ставкѣ я читалъ предъ Мусой Ишеевымъ, считающимся самымъ почетнымъ и очень умнымъ туркменомъ, предъ его братомъ Исой, выборнымъ главой туркменского народа, переводчиками Эреджебомъ, Торгаемъ и предъ другими туркменами свой «Указатель къ пѣснямъ Махтум-кули» (Зап. Вост. Отд. И. Р. Ахр. Общ., т. XIX), чтобы провѣрить, какія изъ этихъ пѣсень извѣстны въ Ставропольской губерніи и нѣтъ-ли у здѣшнихъ туркменовъ незарегистрованныхъ мною пѣсень; послѣднихъ на Зимней Ставкѣ мнѣ не указали. На Лѣтней Ставкѣ я продолжалъ эту работу съ помощью профессионального пѣвца изъ аула Чуръ, Абдулъхакима Сейидъ-Ніязъ хаджи оглы; съ нимъ я примѣнилъ другой методъ: я просилъ его выложить мнѣ всѣ пѣсни Махтум-кули, которыя имѣются у него въ памяти, и затѣмъ уже провѣрялъ по своему указателю, что у меня есть и чего пѣть. Изъ восьми пѣсень, которыхъ припомнилъ бахшы, только двѣ были мною найдены въ моемъ указателе (№№ 49 и 194), остальныхъ-же я найти не могъ⁵). У Чурскаго бахшы оказалась за

1) Ср. Володинъ, 53.

2) Володинымъ собрано 17.— Двѣ изъ записанныхъ мною загадокъ я использовалъ въ рецензіи на Бруссійская загадки Заварина, Живая Старина, 1912 г., т. XXI, стр. 206, 207.

3) Про три пословицы мнѣ было сказано, что ихъ авторомъ считается Адна-бай, двоюродный братъ матери переводчика Эреджеба, умершій 10 лѣтъ тому назадъ (изъ рода Игдыръ); онъ также предсказывалъ погоду. У Володина 15 пословицъ.

4) Володинъ, 73.

5) Приготовляя осенью 1913 г. новую статью о пѣсняхъ Махтум-кули для тома XXXII Зап. Вост. Отдѣленія, я выяснилъ, что одна изъ пѣсень Махтум-кули, сообщенныхъ мнѣ Абдулъхакимомъ, имѣется въ рукописи Зеки Валидова, полученной мнѣ изъ Ферганы; см. пѣсню № 197 въ указателѣ Валидова: *ختنم قىلى اشعا، بىند كورسە تىچ* (татарскій журналъ *Шура* за 1913 г., № 16, стр. 499).

пазухой рукопись, которую онъ не сразу далъ мнѣ въ руки и которая была не что иное, какъ популярная среди среднеазіатскихъ туркменовъ поэма Андалиба «Іосифъ и Зулейха». Бахшы упомянулъ въ разговорѣ кумыцкаго поэта Абдурахмана, сочинившаго какой-то дестанъ, и продиктовалъ мнѣ одно стихотвореніе извѣстнаго среди ставропольскихъ туркменовъ и давно умершаго мѣстнаго поэта изъ рода Игдыръ, по имени Халкей (собств. Халь-Мунаимедъ).

Кромѣ этого Чурскаго бахшы мнѣ стали извѣстны только по именамъ еще 5 бахшы, изъ коихъ одинъ, умершій 2 года тому назадъ, Зериф-ханъ, былъ, по разсказамъ, первымъ бахшы въ приставствѣ; имена остальныхъ бахшы, нынѣ здравствующихъ, слѣдующія: старикъ Ибліминъ (т. е. Веніаминъ) въ аулѣ Башанта, Нара Бегендикъ оглы въ аулѣ Маштакъ-кулакъ, Абульхакимъ (лѣтъ 35—40) въ Большомъ Барханчакѣ, молодой Сагандыкъ въ Эдильбаѣ.

Переводчики Эреджебъ и Торгай, которые съ великой охотой и большой любезностью помогали мнѣ изучать ихъ родную словесность, доставили мнѣ материалъ, между прочимъ, и по части поэзіи. Отъ нихъ я записалъ начало полемического діалога въ стихахъ между поэтами Халкей и его современникомъ Абульджа. Эреджебъ раздобылъ для меня весьма интересное, новѣйшее произведение неграмотнаго поэта изъ кочевниковъ, Базарь Пирікей-оглы изъ рода Чаудуръ, лѣтъ 35-ти, по поводу предстоящаго этой осенью надѣленія не осѣвшихъ еще туркменовъ землей и распределенія ихъ по новымъ ауламъ; поэть скорбитъ о близкой разлукѣ съ привольной кочевой жизнью. Говорить, что у Базара есть еще стихотворенія про холеру, про комаровъ, но я ихъ пока не досталъ. Торгай сообщилъ мнѣ отрывки изъ сатирическаго стихотворенія Халкея на нѣкоего Мусу, проявлявшаго жадность при отдавиваніи за калымъ¹⁾). Торгай-же продиктовалъ мнѣ два стихотворенія своего дѣда Мемет-турды, умершаго очень давно.

Итакъ, мною собраны образцы произведеній слѣдующихъ семи, доселѣ неизвѣстныхъ поэтовъ изъ среды ставропольскихъ туркме-

1) Ср. Володинъ, 45—46.

новъ: 1) Мемет-турды, 2) Халкей, 3) Абульджа, 4) Ходжай,
5) Хумаръ, 6) Базаръ, 7) Заркей¹⁾.

Мои наблюденія надъ нарѣчіемъ ставропольскихъ туркменовъ я коротко изложилъ въ засѣданіи Восточного Отдѣленія И. Р. Арх. Общества²⁾. Здѣсь я отмѣчу, что ставропольскіе туркмены сохранили большинство особенностей туркменского нарѣчія, какимъ оно существуетъ въ Закаспійскихъ степяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ставропольскіе туркмены подверглись вліянію ногайского нарѣчія и, можетъ быть, еще ранѣе, на Мангышлакѣ, казакъ - киргизскаго: южно - турецкія грамматическія формы употребляются у нихъ въ перемежку съ сѣверно турецкими. Весьма, по моему, характерно исчезновеніе приставки для образованія причастія настояще-будущаго на ур, ыр и сохраненіе только приставки ар; приставка ур отсутствуетъ, изъ соѣдніихъ со ставропольско-туркменскимъ нарѣчіемъ, въ казакъ-киргизскомъ и погайскомъ.

Первыми моими знакомыми на Лѣтній Ставкѣ были учителя русско-туркменскихъ школъ Батоко Арслан - Гиреевичъ Кишмаховъ (кабардинецъ) и Карпъ Харитоновичъ Харитоновъ (калмыкъ), которыми я обязанъ, равно какъ и ихъ товарищу, Эдуарду Ивановичу Янсону (учитель въ Сабанѣ), нѣкоторыми полезными указаніями и которыми я благодаренъ за ихъ всегдашнюю готовность оказать услугу.

Радушнѣйшимъ супругамъ С. В. и М. Т. Костенко (приват-доценту Московскаго Университета — хирургу) я безгранично признатель за ихъ гостепріимство и за теплое, дружественное отношеніе ко мнѣ, благотворно вліявшее на интенсивность моихъ занятій.

Въ приобрѣтеніи этнографическихъ предметовъ для Этнографического Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III мнѣ помогали переводчикъ Торгай и старшина аула Чуръ по имени Джекей Ибраевъ. Большое удовольствіе доставили мнѣ своимъ посѣщеніемъ два воспитанника одного изъ Уфимскихъ медресэ: ставропольскій та-

1) Эти семь имёнъ надо присоединить къ тѣмъ 44 именамъ туркменскихъ поэтовъ, которые сообщены въ моей статьѣ «Материалы по среднеазіатско-турецкой литературѣ, I» (Зап. Вост. Отд. XIX, стр. 05—09) и которые повторены, въ числѣ 36 и вразброда, въ статьѣ З. Валидова مختوم قل (جوان شورا) за 1913 г., № 12, стр. 360).

2) См. вышеупомянутое резюме сообщенія.

таринъ изъ Малаго Барханчака и его гость, астраханскій туркменъ Шахъ Мурадъ Назаровъ; послѣдній узналъ о моемъ прѣѣздѣ въ Ставропольскія степи изъ письма мервскаго текинца, Кака-Джанъ Бердіева, единственнаго пока студента Университета (Петербургскаго) изъ русскихъ туркменовъ.

На Лѣтней Ставкѣ я познакомился съ двумя ставропольскими туркменами, представителями туркменовъ, переселившихся въ Астраханскую губернію; они прѣѣхали на Ставку, чтобы испросить у землеустроительной Комиссіи мѣсто подъ отдѣльный аулъ, въ которомъ выселившіеся временно въ Астраханскую губернію туркмены намѣрены поселиться; земля имъ обѣщана. Оба представителя произвели на меня впечатлѣніе людей болѣе развитыхъ, чѣмъ мѣстные туркмены; по своему культурному состоянію они приближаются къ поволжскимъ или ставропольскимъ татарамъ; свое желаніе поселиться въ отдѣльномъ аулѣ они, какъ разъ, мотивировали тѣмъ, что не желаютъ подчинять свою жизнь задерживающему вліянію своихъ культурно-отставшихъ соплеменниковъ.

IV. Въ городѣ Ставрополѣ.

Въ городѣ Ставрополѣ я пробылъ 2 дня предъ отѣѣздомъ въ Туркменское Приставство и 4 дня по возвращеніи изъ степей. Въ первое мое пребываніе въ Ставрополѣ я посѣтилъ исправлявшаго обязанности Начальника губерніи, вице-губернатора М. А. Пономарева, управляющаго канцеляріей губернатора В. А. Богословскаго и главнаго пристава кочующихъ народовъ А. А. Польскаго, которые оказали самое широкое содѣйствіе въ осуществленіи моей научной поѣзdkи. Кромѣ того я ознакомился въ общихъ чертахъ съ «Музеемъ Сѣвернаго Кавказа», находящимся при Ставропольской Архивной Комиссіи и Ставропольскомъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ (въ помѣщеніи Губернского Правленія); завѣдуетъ Музеемъ г-жа Мажарова. Въ Музѣи имѣются отдѣлы: археологическій, этнографическій, естественно-историческій, кустарный. Помѣщеніе тѣсное. Я осмотрѣлъ подробнѣе этнографические предметы и фотографическіе снимки, относящіеся къ туркменамъ. Туркменскихъ вещей въ Музѣи немногого (одинъ шкафъ и сундукъ), и онѣ не даютъ полнаго и достаточно пра-

вильного представлениі о туркменской материальной культурѣ. Расширенію Музея препятствуетъ, главнымъ образомъ, отсутствіе средствъ. Во второе посѣщеніе Ставрополя я счелъ своимъ первѣйшимъ долгомъ принести благодарность Начальнику губерніи Бр. М. Янушевичу за то полное сочувствіе, съ которымъ отнеслись къ цѣлямъ моего путешествія какъ всѣ лица администраціи, такъ и населеніе вѣреннаго ему края. Затѣмъ я поспѣшилъ познакомиться съ Предсѣдателемъ Архивной Комиссіи и Помощникомъ Предсѣдателя Статистического Комитета, Г. Н. Прозрителевымъ, всей душой преданнымъ изученію прошлаго и настоящаго Сѣвернаго Кавказа вообще и Ставропольской губерніи въ частности. Я вторично имѣстѣ съ Г. Н. Прозрителевымъ осмотрѣль Музей и библіотеку при немъ, причемъ получилъ въ подарокъ цѣнныя изданія Статистического Комитета «Сборникъ Свѣдѣній о Сѣверномъ Кавказѣ» (томы 1—4 и 6) и Архивной Комиссіи — «Труды» (вып. II).

Заканчивая свой краткій отчетъ о поѣздкѣ къ ставропольскимъ туркменамъ, я еще разъ съ самыи теплымъ чувствомъ вспоминаю добрый пріемъ, оказанный мнѣ при выполненіи возложеннаго на меня Русскимъ Комитетомъ научнаго порученія всѣми лицами, съ которыми мнѣ приходилось вступать въ сношенія, и выражаю особую признательность главному приставу кочующихъ народовъ Ставропольской губерніи Алексѣю Афанасьевичу Польскому за его истинно-русское радушіе, многократно проявленное по отношенію ко мнѣ и въ степи, и въ его гостепріимной семье.

Поѣзда въ Ставропольскую губернію обошлась мнѣ въ 365 рублей съ копѣйками, каковая сумма составилась изъ 200 р., предоставленныхъ мнѣ Русскимъ Комитетомъ, и 165 рублей съ копѣйками, израсходованныхъ мною изъ ассигновки Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III.

A. Самойловичъ.